

Фань Син потёр щеку, украдкой разглядывая мужчину. Хэ Цинмо, с его мягкой улыбкой, действительно казался надёжным.

К тому же утром, когда Цзи Цзинь пыталась давить на него, Хэ Цинмо встал на его сторону. Наверняка и в доме семьи Хэ он будет защищать его.

От этой мысли Фань Син немного успокоился.

Но когда они прибыли в особняк Хэ, сердце снова заколотилось.

Хэ Цинмо не предупредил, что их ждёт вся семья!

Он думал, там будут только родители Хэ, а оказалось — ещё два брата с жёнами.

Шесть пар глаз уставились на него, словно он редкий зверь в зоопарке. Господи, как же неловко!..

Фань Син старался не показывать волнения, улыбаясь и здороваясь со всеми. Но за спиной его рука непроизвольно сжалась в кулак, побелев в суставах.

Внезапно тёплая ладонь накрыла его кулак. Несильным, но уверенным движением Хэ Цинмо разжал его пальцы и начал мягко гладить его ладонь большим пальцем.

Только тут Фань Син заметил, что центр ладони саднит — он так сильно сжал кулак, что ногти впились в кожу.

Это была его давняя привычка: в моменты стресса он сохранял спокойствие на лице, но бессознательно сжимал кулаки. Часто замечал боль в ладонях уже после, когда напряжение спадало.

Значит, Хэ Цинмо знал об этой особенности и специально взял его за руку?

Фань Син поднял глаза на мужчину. Тот не смотрел на него, а обратился к семье:

— Ну всё, вы увидели его. Теперь несите подарки! — и, потянув Фань Сина за собой, уселся на диван.

— Ох, так тебя зовут Фань Син? Какое красивое имя! И сам ты — просто загляденье! — первой заговорила вторая невестка, Линь-Линь. Она протянула ему изящно упакованную коробку и красный конверт. — Прости, что не успели подготовить что-то особенное. Не обижайся, ладно?

Фань Син знал, что отказ от подарков здесь считается невежливым, поэтому принял их с благодарностью.

По примеру Линь-Линь остальные члены семьи тоже достали свои «подарки» — тонкие красные конверты, скорее всего, с деньгами, чеками или банковскими картами.

Фань Син не стал открывать их. В отличие от Запада, где подарки принято распаковывать сразу и восторженно хвалить, здесь, как он чувствовал, это было бы неуместно.

Зато Хэ Цинмо, наконец отпустив его руку, выхватил конверты, проверил содержимое и удовлетворённо кивнул родным:

— Неплохо. Не опозорили меня.

Затем сунул конверты обратно Фань Сину.

Тот не удержался и бросил на него удивлённый взгляд. В кругу семьи Хэ Цинмо вёл себя как капризный ребёнок — совсем не тот холодный и собранный человек, которого он знал.

Семья, кажется, привыкла к его выходкам. Кроме Цзи Цзинь, которая закатила глаза, остальные просто продолжили разглядывать Фань Сина с любопытством.

Особенно Линь-Линь.

Пока до ужина оставалось время, она под села к Фань Сину и затараторила:

— Сколько тебе лет? Шестнадцать уже есть?

— Восемнадцать, — ответил он, подумав, что шестнадцать — слишком мало для брака.

— Восемнадцать? — Линь-Линь округлила глаза и не удержалась — ущипнула его за щёку. — Ой, какая кожа! Такая нежная! Как ты за ней ухаживаешь?

Она говорила и говорила, а её рука всё гладила его лицо.

Уши Фань Сина покраснели, но он не решался её остановить, лишь натянуто улыбался:

— Я... я ничем особенным...

— Хватит уже его тискать! — вмешался Хэ Цинмо, перетаскивая Фань Сина ближе к себе.

Линь-Линь фыркнула:

— Чего ты? Даже если он красавец, мне уже тридцать! Я извращенка по-твоему? Дай хоть потрогать! Вечно ты жмотничаешь!

Она поворчала, но руку убрала и сменила тему:

— А где Синь-Синь? Она же хотела познакомиться с... э-э... тётей?

Тут она спохватилась и обернулась к Цзи Цзинь:

— Мама, а как Синь-Синь должна называть Фань Сина? «Тётей» как-то странно для мальчика...

Синь-Синь — дочь Линь-Линь и второго брата Хэ, Хэ Чэньчэня. По правилам, жену дяди называют «тётей», но для Фань Сина с его ангельской внешностью это звучало нелепо.

Пока все ломали головы, из-за угла выбежала девочка в платье принцессы. Она подбежала к Фань Сину, схватила его за руку и, задрав голову, прошептала:

— Братик, ты такой красивый!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется